

— Земля у тебя знатная, да еще и одним сплошным наделом лежит, — покачал головой староста трех деревень. — Сам не возьмешься, так неужто и второй и третий дядя откажутся?..

— У них своих наделов хватает, — ответил Дин Тянь. — К чему на них лишнюю обузу взваливать? Да и траур мой скоро кончается, пора уже в уездную управу на службу выходить.

Сначала три года гремела война, а когда пушки наконец смолкли, еще столько же ушло на то, чтобы поднять из пепла пашни, наладить мирную жизнь и восстановить уездное управление. Что же до самого уездного города... судя по воспоминаниям прежнего хозяина этого тела, от него остались одни обугленные руины.

Последние пару лет там всюду кипела стройка. Даже сам уездный судья по сей день вершил дела прямо у себя дома — казенную управу за год-другой не отстроить. К тому же эти приграничные земли служили щитом для всей империи, оттого и город замыслили как неприступную крепость. Строили его без малого три года, и лишь теперь он обрел хоть сколько-то жилой вид.

В саму-то управу после окончания траура Дин Тянь войти, конечно, сможет, но внутри там наверняка до сих пор царил кавардак — обживать казенные стены придется не один месяц.

Тюремные казематы тоже подновили, но в каком они теперь состоянии — он, новоиспеченный главный тюремщик, еще и глазом не успел взглянуть.

— И то верно, взрослый ты уже стал, — призадумался староста трех деревень. — То, что решил Каню землю отдать — дело благое, ему подмога знатная. Только и себя в обиду не давай. Не зря говорят: малая милость — к добру, а большая — к беде, сядут на шею и ножки свесят. Твоя-то земля от податей освобождена, так что налог с них не требуй, пускай себе оставляют. Но долю бери строго по уговору: тебе три части, им — семь. Сажать пускай сажают что хотят, но чтоб непременно зерно было. Да еще про гаолян не забудь, осенью его казна под чистую гребет — на корм армейским коням.

Староста мыслил широко и мудро, но Дин Тянь и сам всё рассудил точно так же.

— Договорились. И вот еще что: быка нашего рабочего они тоже могут забирать, когда пахать станут.

— Сперва пускай твои дядя отпашутся, а уж после им скотину отдавай, — строго отрезал староста. — Поведятся еще на чужом горбу в рай въезжать! Им и так землю уступили из одной только милости. Вечно у этого Дин Каня орава просит больше, чем положено, а у самого ни стыда ни совести. Смотрю на него — аж зло берет!

— Ну, тут он не со зла... — попытался урезонить его сидевший рядом Дин Дасин, заступаясь за бедолагу. — Кто ж знал, что у него баба окажется такой плодovитой?

В прежние годы зажиточные семьи в здешних краях водились редко. Деревня семьи Дин по меркам округа считалась благополучной, но у Дин Каня жизнь пошла совсем иначе. Раньше-то его двор не бедствовал, да только жену он присмотрел не в соседних деревнях Тополей или Ив, а привез издалека — из деревни Процветания.

Кто же мог предугадать, что молодуха окажется столь щедрой на потомство? В первый же раз она принесла двойню — мальчика и девочку. В деревне тогда шум поднялся на всю округу! Надо же, за один раз ухитриться родить и дочку, и сына — истинное небесное благословение. Сам уездный судья, прослышав о таком чуде, прислал двух несущек, чтобы роженица могла наваристым бульоном восстановить силы.

Но не успели опомниться, как на третий год хозяйка снова затяжелела. И на этот раз разродилась тройней — да всё мальчишками! На исходе четвертого года опять понесла, и к пятому на свет явились близняшки — две девки.

И пошло-поехало... Год за годом, точно свиноматка на ферме, она приносила приплод за приплодом, пока в избе не набралось без малого два десятка голодных ртов! Поначалу у Каня водилась какая-никакая копейка. Хотя они и отделились от родительского гнезда, оба супруга рук не покладали и поначалу со своей оравой как-то управлялись. Да только детвора плодилась быстрее, чем зрел урожай, а там и подрастать начала. Сыновей нужно женить — плати за невест, дочерей отдавать — собирай приданое. А дети-то шли сплошной чередой, мал мала меньше, а то и парами! Немудрено, что бедный отец теперь за голову хватался.

Пока малые были — только успевай рты разевать да одежду латать, на всё копейка нужна.

Куда деваться? Пришлось искать чужую землю под аренду, чтобы хоть как-то прокормить это стадо. Да только в деревне каждый спокон веков свой надел пашет, свободной пашни днем с огнем не сыщешь. Как начнешь об этом толковать — у мужика прямо слезы на глаза наворачиваются.

Дин Тянь потому и остановил выбор на них: сыновей у Каня пруд пруди, многие уже в полную силу вошли, работники отменные — с пахотой справятся шутя.

Вообще в деревне о семействе Дин Каня говорили со смесью зависти, сочувствия и легкой усмешки. Еще до войны уездный судья лично выделил им мешок риса и муки в качестве награды, призывая остальных сельчан брать с них пример и плодиться пуще прежнего. Оно и понятно: в те годы прирост населения да сбор зерна напрямую влияли на отчеты перед престолом — вот чиновник и пекся о собственном повышении.